

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ

ИЗДАЕТСЯ С ОКТЯБРЯ 2012 ГОДА

Журнал включён в
Перечень научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования
результатов
диссертационных
исследований

ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Учредители

Научно-методическое учреждение
«Национальный институт образования»
Министерства образования Республики Беларусь

Общественное объединение
«Белорусское педагогическое общество»

Редакционная коллегия

Г.В.ПАЛЬЧИК, главный редактор, доктор педагогических наук
Е.Я.АРШАНСКИЙ, доктор педагогических наук
А.М.ВОЛОЧКО, доктор педагогических наук
Н.Г.ЕЛЕНСКИЙ, доктор педагогических наук
И.Р.КЛЕВЕНКО, доктор педагогических наук
А.С.ЛАПТИНКО, доктор философских наук
Т.В.ЛИСОВСКАЯ, кандидат педагогических наук
Л.А.МУРША, доктор педагогических наук
Г.В.НИКОЛАЕНКО, заместитель главного редактора, доктор педагогических наук
И.В.ПАВЛОВИЧ, доктор педагогических наук
Л.Н.РОЖИНА, доктор психологических наук
В.Ф.РОЩЕЦКИЙ, доктор педагогических наук
Т.М.САВЬЕВА, доктор психологических наук
А.А.САЛЕЕВ, доктор философских наук
Р.В.СИДОРЕНКО, кандидат педагогических наук
О.И.ГИРИНОВА, кандидат педагогических наук
Л.А.ХУДЕНКО, заместитель главного редактора, доктор педагогических наук
И.И.ЦЫРКУН, доктор педагогических наук

Редакционный совет

Г.В.ПАЛЬЧИК, доктор педагогических наук – председатель (Республика Беларусь)
Э.Р.БАГРАМЯН, кандидат педагогических наук (Российская Федерация)
В.А.БОЛОТОВ, доктор педагогических наук, академик (Российская Федерация)
М.И.ВИШНЕВСКИЙ, доктор философских наук (Республика Беларусь)
Ю.А.ИВАНОВ, кандидат педагогических наук (Республика Беларусь)
Ф.В.КАДОЛ, доктор педагогических наук (Республика Беларусь)
В.А.КАПРАНОВА, доктор педагогических наук (Республика Беларусь)
И.Х.КАРИМОВА, доктор педагогических наук (Таджикистан)
Н.И.КЛОКАРЬ, доктор педагогических наук (Украина)
А.А.КОВАЛЕНЯ, доктор исторических наук (Республика Беларусь)
А.К.КУСАИНОВ, доктор педагогических наук (Республика Казахстан)
А.А.ЛУКАШАНЕЦ, доктор филологических наук (Республика Беларусь)
Е.Ю.МАЛЕВАНОВ, кандидат педагогических наук (Российская Федерация)
Н.Н.МАЛОФЕЕВ, доктор педагогических наук (Российская Федерация)
Э.М.НИКИТИН, доктор педагогических наук (Российская Федерация)
М.В.РЫЖАКОВ, доктор педагогических наук (Российская Федерация)
И.И.СОКОЛОВА, доктор педагогических наук (Российская Федерация)
С.В.СУМАТОХИН, доктор педагогических наук (Российская Федерация)
В.П.ТАРАНТЕЙ, доктор педагогических наук (Республика Беларусь)
И.А.ФУРМАНОВ, доктор психологических наук (Республика Беларусь)
Л.В.ШКОЛЯР, доктор педагогических наук (Российская Федерация)

4(13)
2015

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Савельева Т. М., Карнелович М. М.

Моделирование как средство развития субъектности педагога на начальном этапе его профессиональной деятельности 3

Дьяков Д. Г., Жук Н. Н.

Возрастная динамика самоидентификации в период подросткового и раннего юношеского возраста 7

Савельева Т. М.

Социальная значимость идей и личности В. В. Давыдова для развития теоретической психологии и совершенствования практики обучения 19

СОДЕРЖАНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Пальчик Г. В. Целевые ориентиры построения содержания образования на III ступени общего среднего образования в условиях профильного обучения в контексте компетентностного подхода 25

ИНФОРМАЦИОННО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ

Шевлякова-Борзенко И. Л., Васильева И. Н.

Электронный учебник-навигатор для учреждений общего среднего образования: принципы проектирования, содержательные и структурно-функциональные особенности 30

Темушев С. Н. Организационные формы применения информационно-образовательных ресурсов нового поколения на уроках истории 40

Хоменко Е. Д. Организация педагогического веб-журнала в процессе развития информационной компетентности педагогов и учащихся 50

Карбалевич А. С.

Использование гибридных систем искусственного интеллекта в современном образовательном процессе 58

СОЦИАЛИЗАЦИЯ И ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ

Колченогова О. П.

Причины формирования личности несовершеннолетнего преступника 63

ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ходонович Л. С. Теоретическое обоснование разработки концептуальной модели преемственности дошкольного и I ступени общего среднего образования 68

Никашина Г. А. Закономерности опережающего развития интеллектуально-творческого потенциала в период дошкольного детства 76

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Ковалец И. В., Лещинская Т. П.

Оценка качества методик коррекционной работы с детьми дошкольного возраста 84

Крюковская Н. В.

Структура и содержание учебно-методического комплекса по формированию пространственных представлений у учащихся с нарушениями психического развития 94

Адрес редакции:
ул. Короля, 16, 220004, г. Минск
Тел.: (017) 200 54 09
факс: (017) 200 50 35
e-mail: redpednauka@gmail.com

Подписано в печать 21.12.2015.
Формат 60x84 1/8
Усл. печ. л. 11,63
Уч.-изд. л. 10,24
Тираж 110 экз.
Заказ №

Номер подготовили:
Обложка и дизайн-макет Л.Залужная
Компьютерная вёрстка Л.Залужная
Редакторы О.Панина, М.Шпилевская
Корректор Л.Степанова
Компьютерный набор И.Мазуренко

Научно-методическое учреждение «Национальный институт образования» Министерства образования Республики Беларусь.
Лицензия ЛИ № 02330/0494469 от 08.04.2009.
Ул. Короля, 16, 220004, г. Минск.

Напечатано в РУП «Издательство “Белорусский Дом печати”»
Лицензия ЛП № 02330/106 от 30.04.2004.
Пр. Независимости, 79, 220013, Минск.

Мнения, высказанные в материалах журнала, не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за достоверность информации, содержащейся в статьях, несут авторы. Переносы некоторых слов сделаны не по правилам грамматики, а согласно возможностям компьютера.

© Национальный институт образования, 2015

Возрастная динамика самоидентификации в период подросткового и раннего юношеского возраста

Д. Г. Дьяков,

декан факультета психологии,
заведующий кафедрой
общей и организационной психологии
Белорусского государственного педагогического
университета имени Максима Танка
кандидат психологических наук, доцент,

Н. Н. Жук,

старший преподаватель кафедры
общей и организационной психологии
факультета психологии
Белорусского государственного педагогического
университета имени Максима Танка

Целью исследования, представленного в статье, является выявление закономерностей возрастной динамики самоидентификации в период подросткового и раннего юношеского возраста. Для реализации этой цели авторами в русле культурно-исторического подхода на базе оригинальной нормативной модели процесса самоидентификации разработана экспериментальная методика её исследования. В статье отражены выявленная в ходе исследования зависимость формирования всех подфункций самоидентификации, а также её итогового показателя от возраста испытуемых.

Ключевые слова: самоидентификация, знаковое опосредствование, функциональная структура самоидентификации, самоидентификационный конструкт, интегральная идентичность, подростковый возраст, юношеский возраст.

A detection of regularities of self-identification age dynamics in the period of teenage and early youthful age is the objective of the research presented in the article. For this purpose the authors have developed an experimental technique based on the original normative model of the self-identification process in line with the cultural-historical approach. The article presents the dependence of all functions of self-identification formation and its total index on age of examinees.

Keywords: self-identification, sign mediation, functional structure of self-identification, self-identification construct, integrated identity, teenage, youthful age.

Проблема самоидентификации и идентичности, ставшая особенно актуальной в последние десятилетия XX века, переживает сегодня очередную пик своей популярности в научных кругах. Это выражается в появлении большого количества работ, посвящённых построению моделей идентичности в различных теоретических контекстах, а также представлению результатов проведённых в плоскости этих моделей исследований [1; 6; 7; 10; 15 и др.]. В то же время проблема идентичности в поле культурно-исторической психологии до последнего времени специально не разрабатывалась [3; 5 и др.]. В связи с этим, а также с аргументированной в наших предыдущих работах актуальностью создания модели самоидентификации именно в данной методологической перспективе нами была предпринята попытка построения такой модели в логике подхода, основанного Л. С. Выготским [3; 4; 5 и др.]. В рамках сконструированной нами модели *самоидентификация* определяется как «высшая психическая функция внутреннего личностного знаково и символически опосредствованного отношения человека к разнесённым во времени актам взаимодействия с миром как к явлениям одного порядка, конституированным единой субъектностью, составляющим единое индивидуально-историческое целое. Определяя самоидентификацию как осуществляемую в ходе переживания, мы рассматриваем её в единстве интеллекта и аффекта, характеризующем, согласно Л. С. Выготскому, переживание» [3, с. 35].

Разрабатывая функциональную структуру самоидентификации как высшей психической функции, мы опираемся на фактически воплощённый Л. С. Выготским принцип совмещения

структурного и функционального типов анализа психологической реальности [9], а также на сформулированное выше понятие самоидентификации. Исходя из приведенного определения, процесс самоидентификации должен обеспечивать реализацию следующих функций (являющихся по отношению к самоидентификации подфункциями): 1) становление знака в качестве орудия, опосредствующего представление себя сознанию как целостного субъекта определённой (реальной или воображённой) социальной практики; 2) ценностно детерминированный отбор и интегрирование разрозненной феноменологии индивидуальной истории, а также событий планируемого будущего субъекта при помощи знака (формирование самоидентификационных конструктов); 3) обеспечение единства представленности в сознании ассоциированных знаком содержаний чувственного опыта (самоидентификационных конструктов), а, следовательно, и социокультурных контекстов, личностных ценностей, предельных смыслов, конституирующих взаимодействие субъекта с внешним миром.

Для операционализации модели и определения в последующем её теоретической валидности, а также с целью осуществления эмпирических исследований самоидентификации как высшей психической функции нами была разработана методика исследования этого процесса.

Данная методика направлена на изучение степени сформированности функциональной структуры самоидентификации и включает три экспериментальных задания, обеспечивающих исследование сформированности каждой из обозначенных выше подфункций самоидентификации.

В рамках задания, получившего рабочее название «Исследование сформированности знака как орудия самоидентификации», изучается соответствующая подфункция самоидентификации подростка. Испытуемому предлагается устно ответить на вопрос «Кто я?». На ответы даётся три минуты. Затем они записываются и ранжируются по критерию их значимости для испытуемого, после чего психолог фиксирует три ответа, отражающие наиболее значимые для субъекта содержания самоидентификации.

Формулируемые участниками исследования ответы мы рассматриваем в каче-

стве знаков, фиксирующих определённый тип социальных практик, реализуемых испытуемым и обеспечивающих возможность единства индивидуального опыта взаимодействия субъекта с миром. Исследователем анализируется категория, исходя из наличия в ней ориентированности на погружение человека как целого в конкретную социальную практику.

Это задание не следует идентифицировать с известной методикой «Кто Я» М. Куна, Т. Макпартленда [6]. Последняя предполагает иные цели исследования (изучение степени рефлексивности личности, самооценки, эмоциональной оценки идентичности, Я-концепции и т. д.), а также иную по отношению к заданной нами и предлагаемой выше логику интерпретации. Общим в этих методиках являются лишь часть инструкции и ориентация на изучение рассматриваемого в широком смысле самосознания личности. Разработанное нами задание в отличие от методики М. Куна, Т. Макпартленда имеет четкую направленность на изучение одного из компонентов функциональной структуры самоидентификации — становления знака в качестве орудия самоидентификации.

Сформированность данной подфункции оценивается на основании анализа трёх ответов, отражающих наиболее значимые для субъекта содержания самоидентификации. Третий (самый высокий) уровень развития самоидентификации предполагает здесь имплицитную заданность в предложенной испытуемым категории модели определённой социальной практики (практик). Примерами ответов такого рода являются категории «спортсмен», «художник», «хулиган», «ученик», «мальчик», «христианин» и т. д. На втором уровне развития данной функции предлагаемые испытуемым категории характеризуются «освобожденностью» от ориентации на реализацию социальных практик и выступают лишь элементами «мозаики» образа собственной личности, существующего в сознании субъекта. Примерами ответов такого рода являются ответы «красивая», «слабохарактерный» и т. д. На первом уровне развития этой функции испытуемый обращается к категориям, апеллирующим к содержаниям его деятельности («я хожу в школу», «играю в теннис», «занимаюсь шахматами в секции»). Нулевой уровень самоидентификации пред-

полагает неспособность выполнить предлагаемую психологом инструкцию (сформулировать хотя бы три ответа или проанализировать ответы на вопрос «Кто я?»).

Задание «Исследование самоидентификационных конструктов» включает: а) моделирование функции отбора и ассоциирования разрозненной феноменологии осуществленного, а также планируемого взаимодействия субъекта с миром при помощи знака; б) реконструирование модели процесса организации субъектом представлений памяти и воображения, охватывающих явления взаимодействия «Я — мир», при помощи знака, выступающего в качестве средства самоидентификации. Оно связано с первым заданием и предполагает ориентацию на отобранные испытуемым ранее знаки — орудия самоидентификации. Испытуемому предлагаются три группы геометрических фигур, каждая из которых выступает внешним объектом — заместителем феноменов взаимодействия субъекта с миром, характеризующим разные периоды жизни субъекта. Для предметной фиксации феноменологии событий прошлого используются гексаэдры, настоящего — октаэдры, будущего — тетраэдры. Далее задача испытуемого — расположить события его жизни, в которых он проявил себя как носитель одной из трёх выбранных в рамках первого задания социальных стратегий, в последовательности от прошлого к будущему, а также составить на основе единства этих событий автобиографическое повествование. Такая процедура осуществляется по отношению к каждой из трёх выбранных в рамках первого задания категорий.

Критерием сформированности данной подфункции (т. е. высшего — уровня её развития) является нарративность индивидуальной истории субъекта, формирующей в ходе знаковой организации соответствующих феноменов чувственного опыта, — способность субъекта организовать во внешнем предметном плане связанную соответствующей социальной практикой цепь разнесённых во времени событий взаимодействия с миром, что рассматривается как символическое свидетельство организующей функции знака в качестве средства формирования самоидентификационного конструкта. На втором уровне испытуемый находит в поле своего опыта события, харак-

теризующие его как актора соответствующей социальной практики в различные периоды времени, но оказывается не способен рассматривать эти события в самосознании как содержания единой временной перспективы. На первом уровне испытуемый фиксирует отдельные события своей жизни как проявления реконструируемой социальной роли. Объективируемые им события при этом характеризуют лишь отдельные временные секторы его жизни. Нулевой уровень означает неспособность испытуемого идентифицировать в сознании события, выступающие коррелятами осмысленной социальной практики.

В рамках задания «Исследование интегральной целостности самоидентификации» изучается сформированность интегральной идентичности. В рамках данного задания испытуемому предлагается ознакомиться с тремя группами пространственных трёхмерных объектов правильной формы (гексаэдры, октаэдры, тетраэдры), обладающих в силу пластичности материала свойством вариативности. Затем участнику исследования необходимо выбрать грани объектов, на которых он разместит самоидентификационные категории. Для их расположения испытуемый может выбрать одну, две или три фигуры. Предложенные в рамках первого задания ответы записываются психологом на бумаге и прикалываются испытуемым на выбранные им фигуры. В случае, если категории были расположены на гранях одной фигуры, испытуемому также предлагается придать ей символизирующую его форму.

Интерпретация. Количество выбранных испытуемым объектов мы рассматриваем как проявление степени единства интегральной идентичности и согласованности входящих в неё самоидентификационных категорий, а также внутренней однородности ценностных ориентаций, на которых базируются социальные практики, зафиксированные в самоидентификационных конструктах субъекта. Свидетельством полной сформированности этой функции будет выбор субъектом для расположения всех трёх самоидентификационных категорий одной фигуры, символизирующей единство его самоидентификационных конструктов, интегральную целостность переживания субъектом индивидуальной истории, а также возможность

придания ей уникальной, характеризующей именно этого субъекта, символизирующей его формы. Второй уровень самоидентификации характеризуется расположением двух самоидентификационных конструкторов на гранях одной фигуры, тогда как третий — размещается в ответах этого уровня отдельно. Первый уровень развития данной функции предполагает расположение каждого из конструкторов на отдельной фигуре. Подобную ситуацию мы рассматриваем как символическое проявление внутренней рассогласованности интегральной идентичности человека, а также разнородности ценностных и смысловых оснований компонентов, составляющих самосознание субъекта. Нулевой уровень означает невозможность размещения субъектом самоидентификационных конструкторов на гранях предложенных психологом геометрических фигур.

Необходимость операционализации модели и установления её теоретической валидности обуславливает цель настоящего исследования, состоящую в определении возрастной динамики самоидентификации в период подросткового и младшего юношеского возраста. Подтверждение гипотезы о наличии возрастной ди-

намики самоидентификации в подростковом и юношеском возрасте, кроме прочего, будет свидетельствовать также и о высокой теоретической и конструктивной валидности предложенной методики.

Выборку исследования составили 232 человека подросткового и юношеского возраста, в том числе 114 младших подростков (11—13 лет), 103 старших подростка (14—16 лет) и 75 лиц юношеского возраста (18—21 год). Время обследования одного испытуемого варьировалось от 30 до 45 минут.

Для первичного обзора результатов рассмотрим, каким образом данные по каждому блоку методики исследования самоидентификации и по её итоговому показателю представлены в абсолютных величинах и в процентном выражении в каждой из указанных выше возрастных групп (см. таблицу).

Из таблицы видно, что подфункция, измеряемая при помощи первого задания методики (блок I), а именно использованные субъектом как орудия самоидентификации, сформирована у испытуемых, начиная с младшего подросткового возраста, как минимум, на первом уровне, т. е. нулевой уровень сформированности данной

Таблица — Данные по методике исследования самоидентификации

Блок	Уровень	Младший подростковый возраст		Старший подростковый возраст		Юношеский возраст	
		Абсолютная величина	Процентное выражение	Абсолютная величина	Процентное выражение	Абсолютная величина	Процентное выражение
I	0	—	—	—	—	—	—
	1	50	43,86 %	20	19,42 %	6	8 %
	2	37	32,46 %	46	44,66 %	3	4 %
II	0	27	23,68 %	37	35,92 %	66	88 %
	1	3	2,63 %	2	1,94 %	0	0 %
	2	29	25,44 %	17	16,5 %	21	28 %
III	0	62	54,39 %	38	36,89 %	3	4 %
	1	20	17,54 %	46	44,67 %	51	68 %
	2	2	1,75 %	0	0 %	0	0 %
IV	0	45	39,48 %	17	16,5 %	45	60 %
	1	35	30,7 %	40	38,83 %	15	20 %
	2	32	28,07 %	46	44,67 %	15	20 %
Итоговый показатель	0	57	50 %	17	16,5 %	3	4 %
	1	38	33,33 %	50	48,54 %	21	28 %
	2	16	14,04 %	29	28,16 %	36	48 %
	3	3	2,63 %	7	6,8 %	15	20 %

подфункции выявлен не был. Характерно, что у участников исследования младшего подросткового возраста наиболее часто (44 %) встречается первый уровень развития подфункции, у старших подростков доминирует второй уровень (его продемонстрировали также чуть более 44 % испытуемых этой возрастной категории), а у абсолютного большинства лиц юношеского возраста (в 88 % случаев) обсуждаемая подфункция самоидентификации сформирована на самом высоком, третьем, уровне. Исходя из этого, можно заключить, что в младшем подростковом возрасте большинство детей используют для описания собственной личности категории, не ориентированные на то, чтобы репрезентировать те или иные социальные практики. В то же время у большей части старших подростков ответы, фиксирующие лишь отдельные свойства личности (например, «я смелый») и, соответственно, весьма фрагментарно репрезентирующие участие субъекта в определённых социальных практиках, сочетаются с категориями, которые достаточно чётко указывают на ту или иную социальную практику (например, «я лыжник»). И наконец, категории, предложенные большинством испытуемых юношеского возраста в качестве средств самоописания, однозначно характеризуют их в качестве акторов определённых социокультурных практик.

Данные по второму заданию (блок II), отображающие сформированность у испытуемых самоидентификационных конструктов, свидетельствуют о том, что вторая из трёх подфункций самоидентификации оказывается несформированной у 3 % младших и примерно у 2 % старших подростков. При этом у большинства испытуемых младшего подросткового возраста (54,39 %) был выявлен второй уровень развития данной подфункции самоидентификации, когда ребёнок чётко осознаёт себя субъектом отдельных социокультурных практик, но пока ещё не объединяет эти факты личной жизненной истории в рамках единого временного континуума своей биографии. Вместе с тем у значительной части испытуемых старшего подросткового возраста (почти 45 %) и у большей части юношеского возраста (68 %) самоидентификационные конструкты оказываются полностью сформированными. Эти испытуемые организуют в со-

знании собственный опыт осуществления каждой из социальных практик как единую, непрерывную цепь связанных и последовательных событий, объединяя их в единое автобиографическое повествование.

Результаты выполнения третьего задания (блок III), определяющего степень сформированности интегральной идентичности, единство самоидентификационных категорий и образуемых ими конструктов, указывают на преобладание первого уровня развития данной подфункции у младших подростков (49 %) и что может показаться парадоксальным, у лиц юношеского возраста (60 %) в то время как большинство старших подростков (почти 45 %) обладают очень высоким уровнем интегрированности идентичности. Для этих испытуемых собственные представления об участии в жизни ими различных социальных практик, выраженные в соответствующих самоидентификационных конструктах, находятся в единстве и согласованности.

Тем не менее анализ развития самоидентификации как высшей психической функции (алгоритм определения данного показателя представлен в нашей предыдущей работе [4]) показал её выраженную положительную возрастную динамику. Так, наибольшее число испытуемых младшего подросткового возраста (50 %) находятся на нулевом уровне развития самоидентификации; большинство старших подростков (чуть более 48 %) демонстрируют первый уровень, а у большей части испытуемых юношеского возраста (также 48 %) итоговый показатель соответствует второму уровню развития этой функции. Третий уровень отмечен у относительно небольшого количества испытуемых: у 20 % лиц юношеского возраста, 6,8 % старших и лишь у 2,6 % младших подростков.

С целью достоверного определения возрастной динамики самоидентификации нами был проведён однофакторный дисперсионный анализ. В качестве группирующей (независимой) переменной выступил возраст испытуемых, представленный тремя уровнями: младший подростковый возраст, старший подростковый возраст и юношеский возраст. Зависимыми переменными стали сформированность подфункций самоидентификации, измеряемая показателями по каждому из трёх блоков исследовательской методики, а

также итоговый показатель сформированности функциональной структуры самоидентификации.

Дисперсионный анализ показал зависимость формирования всех трёх подфункций самоидентификации и её итогового показателя от возраста испытуемых. Таким образом, с возрастом значительно изменяются становление самоидентификационных категорий как орудий самоидентификации ($F = 25,12$; $p = 0,000000$), формирование самоидентификационных конструктов ($F = 8,62$; $p = 0,000242$), интегральная целостность и внутренняя согласованность самоидентификации личности ($F = 11,45$; $p = 0,000018$), общий показатель развития этого процесса ($F = 26,14$; $p = 0,000000$).

Для более детальной характеристики возрастной динамики вышеуказанных подфункций самоидентификации, а также итогового показателя её развития, в частности для определения того, между какими именно возрастными группами имеются значимые различия в уровне развития описываемых сторон самоидентификации личности, был применён апостериорный критерий Дункана. В этой части статистического анализа данных выявлено, что по уровню обобщённости самоидентификационных категорий и их относительности к некоторой социальной практике все три рассматриваемые возрастные категории значительно отличаются друг от друга. Так, младшие подростки значительно отличаются со старшими подростками ($p = 0,011913$) и с лицами юношеского возраста ($p = 0,000011$). С последними обнаружены различия также и у старших подростков ($p = 0,000009$). На рисунке 1 видно, о каких именно различиях идёт речь. Чем старше испытуемые, тем теснее названные им самоидентификационные категории соотносятся с исполнением определённой социальной практики. Если у испытуемых – младших подростков – данная подфункция самоидентификации находится ниже второго уровня (со значением 1,8), то у старших подростков она уже переходит на второй уровень (среднее значение – 2,2), а у лиц юношеского возраста вплотную приближается к третьему (среднее значение – 2,9).

Применительно к переменной, измеряющей вторую подфункцию самоидентификации – формирование самоидентификационных конструктов, апостериорный кри-

терий Дункана свидетельствует о том, что младшие подростки значительно отличаются по сформированности вышеупомянутых конструктов как от старших подростков ($p = 0,014595$), так и от испытуемых юношеского возраста ($p = 0,000763$). Однако между старшими подростками и лицами юношеского возраста различия нет ($p = 0,304727$). Таким образом, развитие способности объединять разрозненные во времени отдельные акты реализации той или иной социальной практики в рамках единой жизненной истории с завершением подросткового возраста существенно замедляется. Вероятно это говорит о том, что сенситивным периодом в развитии данной подфункции является период старшего подросткового возраста. На рисунке 1 наглядно показаны описанные выше закономерности формирования самоидентификационных конструктов. Младшие подростки достигают в развитии этой подфункции самоидентификации в среднем уровень, близкого ко второму (1,9); старшие подростки – уровня, немного превышающего второй (2,2). У лиц юношеского возраста сформированность самоидентификационных конструктов была сформирована на уровне 2,4, и, как было отмечено выше, данное среднее значение статистически не отличается от среднего, рассчитанного для выборки старших подростков.

Критерий Дункана позволил выявить следующие различия между возрастными группами испытуемых по уровню развития у них третьей подфункции самоидентификации – функции формирования её интегральной целостности. Младшие подростки статистически значительно отличаются от старших подростков ($p = 0,006475$), но не отличаются от лиц юношеского возраста ($p = 0,112647$), т. е. интегрированность самоидентификации у испытуемых как младшего подросткового, так и юношеского возрастов находится примерно на одном уровне. Наряду с этим группа участников исследования юношеского возраста значительно отличается от группы испытуемых старшего подросткового возраста ($p = 0,000034$). Отмеченные выше различия визуализируются на графике, изображённом на рисунке 1, как изначальный рост внутреннего единства субъективного опыта взаимодействия испытуемых с миром, осуществляемого в рамках выполнения

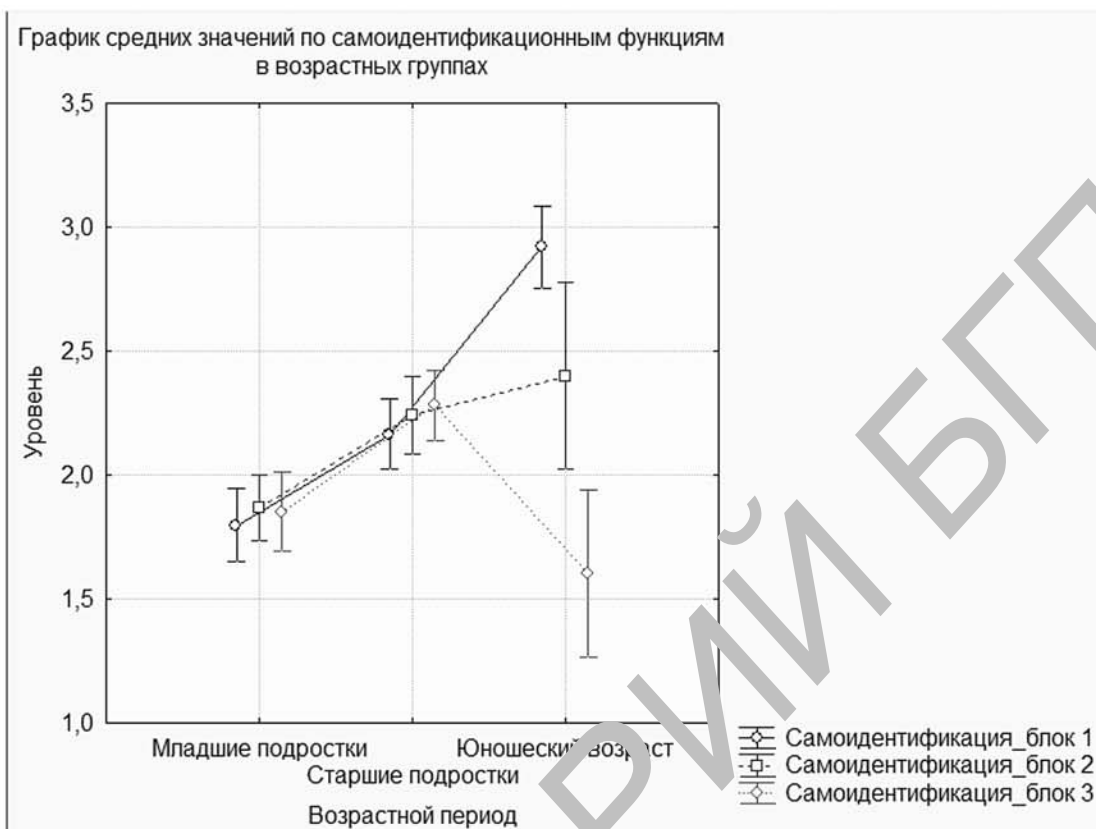

Рисунок 1 – График связи динамики по функциям самоидентификации с возрастом

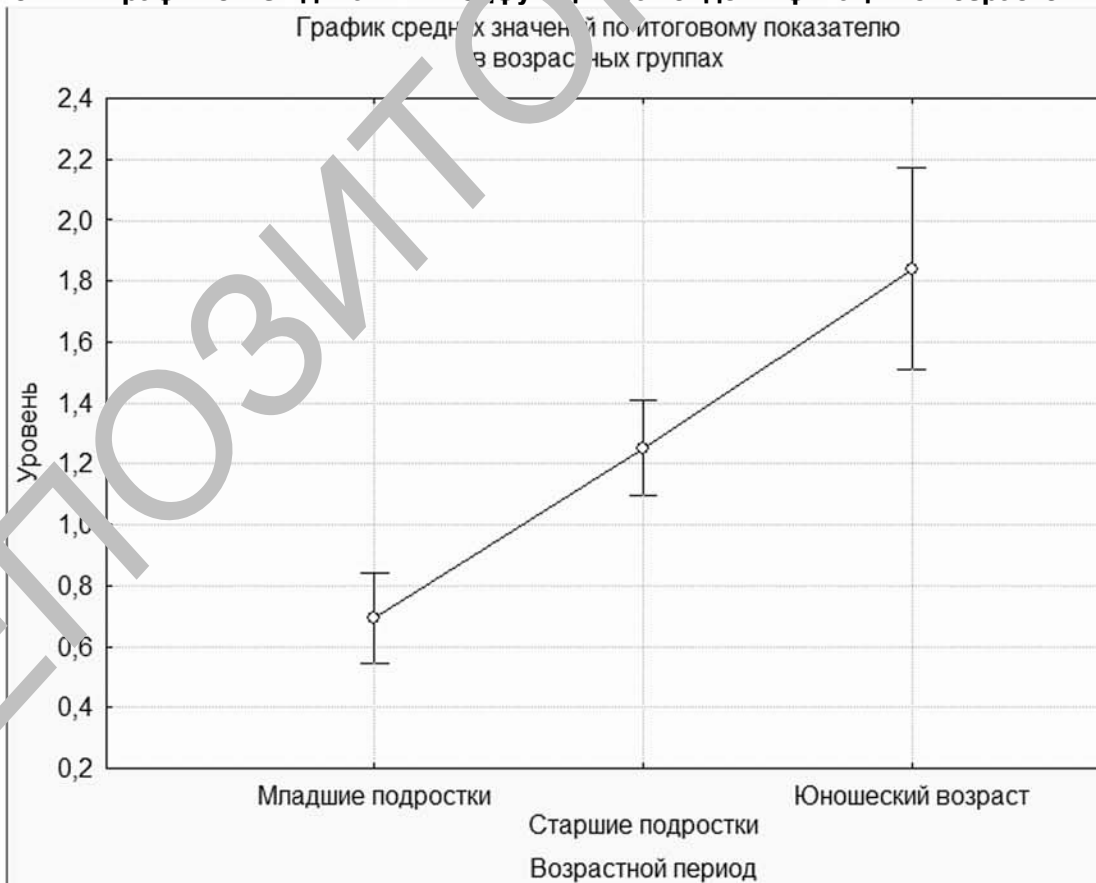

Рисунок 2 – График связи итогового показателя самоидентификации с возрастом

ряда социальных практик. В то время как в младшем подростковом возрасте эта подфункция самоидентификации находится в среднем на уровне 1,9, в старшем подростничестве среднее значение увеличивается до 2,3. Далее происходит резкое снижение графика, что отражает отрицательную динамику в развитии интегрированности идентичности при переходе к группе испытуемых юношеского возраста, продемонстрировавших средний уровень сформированности третьей подфункции (1,6), что даже меньше, чем в группе младших подростков.

Столь неоднозначная динамика нуждается в специальном объяснении. Хорошо известно, что кризис юношеского возраста характеризуется решительным преобразованием сформировавшейся к концу подросткового возраста интегральной идентичности [6; 10; 14 и др.]. Это обусловлено тем, что именно переход от подросткового к юношескому возрасту сопровождается принципиальным изменением социокультурных контекстов жизнедеятельности человека [2; 11; 12; 13; 16 и др.]. Так, на данном этапе своего развития субъект вступает в новые социальные отношения, определяется со своей профессией, политическими и социальными воззрениями, чем и обуславливается радикальная трансформация всей интегральной конструкции идентичности. Такие преобразования, как правило, не являются одномоментными и предполагают поэтапную динамику от разрушения старой интегральной идентичности к формированию новой, опирающейся на включение в её структуру вновь образующихся идентификационных конструкций.

Обратимся к развитию самоидентификации как высшей психической функции. Согласно результатам расчёта критерия Дункана по итоговому показателю исследования этой методики все три группы испытуемых отличаются друг от друга: младшие подростки — от старших подростков ($p = 0,000479$) и участников исследования юношеского возраста ($p = 0,000011$). В свою очередь последние также статистически значимо отличаются от старших подростков ($p = 0,000248$). Указанные различия образуют устойчивую положительную возрастную динамику общего показателя самоидентификации у испытуемых: у младших подростков для него зафиксировано сред-

нее значение 0,7, у старших подростков — 1,3 и у лиц юношеского возраста для этого показателя рассчитано среднее значение 1,8. Наглядно это представлено на рисунке 2.

Здесь необходимо отметить следующую закономерность. В подростковом возрасте все три подфункции самоидентификации формируются и развиваются достаточно синхронно. К примеру, у младших подростков они сформированы в среднем на уровне 1,9, достигая к старшему подростковому возрасту показателя 2,2. В то же время в юношеском возрасте функциональная структура самоидентификации личности имеет более разнородный характер: подфункция использования знака в качестве орудия самоидентификации находится здесь в среднем на уровне 2,3, подфункция формирования самоидентификационных конструкций зафиксирована на уровне 2,4, тогда как для подфункции становления интегральной целостности идентичности рассчитано среднее значение, равное 1,6 (см. рисунок 1). Объяснение этой закономерности представлено нами в ходе интерпретации значительного снижения показателя функции формирования интегральной идентичности, зафиксированного при переходе от старшего подросткового к юношескому возрасту.

Выводы.

1. Предложенная методика исследования самоидентификации направлена на изучение степени сформированности её функциональной структуры и включает три экспериментальных задания, обеспечивающих исследование сформированности каждой из подфункций самоидентификации: «Исследование сформированности знака как орудия самоидентификации», «Исследование самоидентификационных конструкций», «Исследование интегральной целостности самоидентификации».
2. В ходе количественного анализа полученных данных выявлена зависимость формирования всех подфункций самоидентификации, а также её итогового показателя от возраста испытуемых. Таким образом, в динамике подросткового и юношеского возраста происходят развитие

подфункции использования знака как орудия самоидентификации, ассоциирование содержания самоидентификационных конструктов субъекта, а также (в динамике подросткового возраста) развитие интегральной

целостности и внутренней согласованности его идентичности. Зафиксировано также развитие в динамике исследуемого возрастного периода самоидентификации как высшей психической функции.

Список цитированных источников

1. Агеев, В. В. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы / В. В. Агеев. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1990. — 240 с.
2. Выготский, Л. С. Собр. соч. : в 6 т. / Л. С. Выготский ; под ред. Д. Б. Эльклина. — М. : Педагогика, 1984. — Т. 4 : Детская психология. — 432 с.
3. Дьяков, Д. Г. Диалогическая модель самоидентификации, фундированная культурно-историческим подходом / Д. Г. Дьяков // Диалог. Психологический и социально-педагогический журнал. — 2014. — № 8. — С. 32—42.
4. Дьяков, Д. Г. Исследование самоидентификации у лиц, страдающих шизофренией : количественный и качественный анализ / Д. Г. Дьяков, Н. П. Радченко, Е. С. Малаховская // Сибирский психологический журнал. — 2015. — № 57. — С. 102—113.
5. Дьяков, Д. Г. Типология и функциональная структура самоидентификации как высшей психической функции / Д. Г. Дьяков // Педагогическая наука и образование. — 2015. — № 2. — Часть 1 : Понятие и функциональная структура самоидентификации. — С. 11—18.
6. Заковоротная, М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты / М. В. Заковоротная. — Ростов н/Д : Изд-во Сев.-Кавк. на-уч. центра высш. шк., 1999. — 199 с.
7. Кон, И. С. Психология ранней юности / И. С. Кон. — М. : Просвещение, 1989. — 255 с.
8. Кун, М. Эмпирические исследования установок личности на себя / М. Кун, Т. Макпартленд // Современная зарубежная социальная психология. Тексты. — М. : Изд-во Московского университета, 1984. — С. 180—188.
9. Мещеряков, Б. Г. Логико-семантический анализ концепции Л. С. Выготского / Б. Г. Мещеряков. — Самара : Изд-во Самарского государственного педагогического университета, 1998. — 61 с.
10. Микляева, А. В. Социальная идентичность личности : содержание, структура, механизмы / А. В. Микляева, П. В. Румянцев. — СПб. : Изд-во РГПУ, 2008. — 190 с.
11. Райс, Ф. Психология подросткового и юношеского возраста / Ф. Райс, К. Долджин. — СПб. : Питер, 2010. — 816 с.
12. Слободчиков, В. И. Интегральная периодизация общего психического развития / В. И. Слободчиков, Г. А. Цукерман // Вопросы психологии. — 1996. — № 5. — С. 38—50.
13. Собкин, В. С. Особенности социализации в старшем школьном возрасте : социокультурные траектории гендерных трансформаций / В. С. Собкин // Мир психологии. — 1998. — № 1. — С. 26—54.
14. Трандина, Е. Е. Становление профессиональной идентичности у студентов юридического вуза : дис. ... канд. психол. наук : 19.00.07 / Е. Е. Трандина. — Ярославль, 2006. — 225 л.
15. Тэджфел, Г. Социальная идентичность и межгрупповые отношения / Г. Тэджфел. — М., 1982. — 168 с.
16. Фельдштейн, Д. И. Психологические особенности развития личности в подростковом возрасте / Д. И. Фельдштейн // Вопросы психологии. — 1988. — № 6. — С. 31—41.

Материал поступил в редакцию 02.02.2015.

Василий Васильевич Давыдов (1930—1998) — выдающийся российский психолог с мировым именем: его труды переведены во многих странах.

В. В. Давыдов — создатель теории и практики развивающего образования в России. Учёный разработал теорию деятельности человека, описал её строение и содержание, внутренние связи с идеальным планом сознания.

В. В. Давыдов создал логико-психологическую теорию о двух основных типах обобщения — эмпирическом и теоретическом. Разработал теорию личности и учебной деятельности.

Социальная значимость идей и личности В. В. Давыдова для развития теоретической психологии и совершенствования практики обучения

Т. М. Савельева,
заведующий сектором психологии
развивающего образования
Национального института
образования
доктор психологических наук,
профессор

В статье рассматриваются вопросы социальной значимости идей и личности В. В. Давыдова для развития теоретической психологии и совершенствования практики обучения.

Ключевые слова: сензитивные периоды возрастного развития, деятельность, структура деятельности, «клеточка сознательной деятельности», сознание, личность, субъект деятельности, развивающее обучение, целеполагание, рефлексия.

The article examines the social significance of V.V. Davydov's personality and his ideas for the development of theoretical psychology and improvement of teaching practices.

Key words: sensitive periods of age development, activities, activity structure, "cell of conscious activity", consciousness, personality, subject of activity, developing training, goal setting, feedback.

В сентябре 2015 года психологическая общественность и работники системы образования Российской Федерации, Республики Беларусь и стран ближнего и дальнего зарубежья отмечали 85-летие со дня рождения известного российского психолога и философа — Василия Васильевича Давыдова, чьи идеи оказали существенное влияние на развитие теоретической и экспериментальной психологии и совершенствование практики обучения.

Идеи В. В. Давыдова широко востребованы психологами и специалистами в области образования во многих странах мира — США, Болгарии, Венгрии, Германии, Голландии, Греции, Испании, Италии, Китае, Вьетнаме, Японии и в бывших советских республиках.

В последние годы психологи и педагоги системы образования, работавшие многие годы по системе развивающего обучения, всё более и более осознают, что российский психолог В. В. Давыдов внёс неоценимый вклад в развитие не только теоретической и экспериментальной психологии, но и практики обучения. В своих экспериментальных исследованиях он фактически реализовал идею о значимости сензитивных периодов возрастного развития (применительно к детям дошкольного и младшего школьного возраста), что особенно актуально в контексте совершенствования непрерывного образования и самообразования современного человека, живущего в информационном обществе. Именно в условиях естественного эксперимента он убедительно доказал: